Редактор страницы: Ирина Клепикова
Тел: +7 (343) 375-85-45
E-mail: klepikova@oblgazeta.ru

Ехал на ярмарку российский певец...

Останется ли Россия вокальной державой в мире?

1

Ирина КЛЕПИКОВА

Участник нынешней Вокальной ярмарки (как ведущий мастер-класса) — руководитель Молодёжной программы Большого театра профессор Дмитрий ВДОВИН, имя которого в последние годы на слуху в оперно-вокальном мире: из его учеников вышла целая плеяда качественных вокалистов, добившихся немалых успехов на отечественной и мировой сцене. К тому же именитый гуру российского вокала – наш земляк.

–Дмитрий Юрьевич, сначала – о личном. Проведя всё детство и юность в нашем оперном просто как зритель, с каким чувством берётесь сегодня за ручку его дверей?

–Да тут всё насквозь родное! Даже не вспомню точно, когда я здесь оказался впервые – в четыре года? В пять? И с учителями сюда бесконечно ходили. И с родителями. Кстати, моя бабушка была «лемешисткой» – ещё с тех времён, когда Лемешев здесь пел. Обожала Фатьму Мухтарову и вообще помнила всех, кто пел здесь, извините, ещё в 1920-е годы... Так что, когда в 1977 году в Свердловске были исторические гастроли Большого театра, я в свои 15 лет уже был оперой заражён.

Большой театр тогда впервые (!) в своей истории выезжал с гастролями по СССР, и счастливым избранником среди российских городов стал Свердловск. Это была огромная честь! Причём Большой театр был ещё ТОТ, лучший...

–Что значит, «ТОТ, лучший»? О Большом всегда принято говорить в превосходной степени.

–Легенд вокруг него много. Но! Золотое время Большого – это золотое время пяти, максимум – десяти хорошо поющих солистов. А в труппе было почти сто! Всё было не так просто, как представляется сейчас, по прошествии лет. Пять – мегазвёзды. Архипова, Образцова, Нестеренко, Атлантов, Мазурок. Певцы на все времена! Ещё пять – очень хороших голосов. А дальше всё было более скромно: просто хорошие от природы голоса и... громко пели. А насколько порой это было провинциально – уже никто и не вспоминает.

–Тем не менее... Большой приезжает на Урал. И для Свердловска, уральских зрителей и нашего театра это была некая авторитетная планка.

–Естественно. Хотя каждый год в Свердловске проходили гастроли какого-то выдающегося театра, приезд Большого вызвал дикий ажиотаж. Как сейчас помню, гастроли открывались 15 июня «Царской невестой». Пела Ирина Архипова. 18 июня пела Синявская. А дальше – Атлантов в «Тоске», в «Каменном госте». Здесь же он дебютировал в «Моцарте и Сальери». Представляете, какие голоса Урал услышал! Я, 15-летний пацан, каждый день вставал в четыре-пять утра, пешком шёл из Втузгородка до оперного театра. За билетами! У меня был небольшой складной стул – и я на нём несколько часов в очередях проводил. Меня так и называли – «мальчик со стулом». Потом уже кассирши тихонько начали говорить мне: «Приходи в перерыве». Жалели, видимо. И я подходил в перерыве – и они продавали мне билеты. Такие люди были! Вот вам и тоталитарный режим. Да, в основном – ужас, давление, но и... Люди ограничены во всём, кроме классического искусства. И тогда возникает повышенный интерес к литературе, «кухонные» разговоры-обсуждения новых книг, фильмов, театральных премьер. Всё обернулось огромным расцветом российско-советской культуры. Да, расцвет был несколько консервативен (в творческих поисках были свои «шоры»), но для классической оперы, балета это было замечательное время.

–Сейчас вроде тоже неплохое: на двух крупнейших телеканалах почти параллельно были запущены два цикла, посвящённые оперному искусству. «Призрак оперы» на Первом и «Большая опера» на канале «Культура». Тот и другой – конкурсы, зрелище, но вместе с тем – популяризация жанра. Правда, на Первом всё очень быстро превратилось в балаган...

–Сейчас время шоу. Другое дело – как сделать? Когда меня позвали в «Большую оперу», я сказал: «Вы должны уговорить быть председателем жюри в шоу-конкурсе Елену Васильевну Образцову». Уговорили. Она – живая душа. И она придавала этому проекту шарм, свежесть. Хотя мы и схлестывались несколько раз в оценках молодых певцов.

В принципе же считаю: канал «Культура» сработал ЗА наш жанр. Потрясающая студия. Профессиональный разговор. Грамотная публика, из которой мне, правда, иногда... свистели. То есть не соглашались. Но я сказал: «Каждый из членов жюри должен иметь право на собственное мнение». Да, может быть, комментарии жюри иногда были обидны, но... Наш мир, вокально-театральный, – не самый нежный. Однако надо выходить и петь. И так спеть, чтобы не оставлять оппонентам аргументов.

–Похоже, это ваше педагогическое кредо с первого ученика. Правда, что он был тогда единственный?

–Да, когда меня пригласили преподавать вокал в Гнесинское училище, на факультет актёров музыкального театра, для меня специально по дополнительному набору взяли единственного студента – Родиона Погосова. Ему тогда было 16 лет, он никогда не пел и вообще мечтал стать драматическим актёром. Но в театральные вузы его не приняли, и он «с горя» поступил в училище и попал ко мне. Но уже в 19 лет он дебютировал в партии Папагено в «Новой опере». А в 21 год стал самым молодым участником Молодёжной программы в «Метрополитен». Это вообще немыслимо! Сегодня Родион — востребованный артист международного класса.

–Прежде молодые таланты ездили на стажировку в Италию, в Ла Скала. Сегодня для особо одарённых вокалистов России есть Молодёжная программа Большого. Не спрашиваю: чему учите? Спрошу жёстче: от чего отучаете?

–От дури! Почему-то считается, что пение – занятие для необразованных, неумных людей, просто – для «широких глоток». Глубокое заблуждение! Все великие певцы (а я знал многих) – умнейшие люди. Личности! И Паваротти (я был у него в Пезаро, так как он пригласил моего студента). И Архипова, и Образцова, и Нестеренко... В силу разных обстоятельств я много с ними общался и знаю, чего стоит их путь к зрителю, каждый выход на сцену. Близко знаком с Владимиром Атлантовым – я писал по нему диплом и терзал его разными творческими вопросами ещё на заре 80-х годов, не пропускал ни одного его спектакля. Все они – люди сложные, но умнейшие.

А дураков очень много! Кто-то считает, что достаточно надеть шубу, «брюлики», взять в руки собачку – и они уже дивы. Чушь! Отчасти благодаря усилиям Молодёжной программы, моим и моих коллег, приходит понимание, что опера – коллективное искусство и требует от вокалиста многого.

ИРИНА КЛЕПИКОВА

Вокальную и актёрскую планку Ярмарке певцов обычно задаёт гала-концерт с участием мастеров оперы, на котором подыграть и спеть может даже... дирижёр

ИРИНА КЛЕПИКОВА

Дмитрий Вдовин: «Можно выпустить на сцену глинковскую Людмилу и в нижнем белье, но привлечёт ли это зрителей?..»

–Чего?! Чего конкретно?

–Певцы, в отличие от инструменталистов, должны знать несколько иностранных языков. Желательно – четыре: итальянский, английский, французский, немецкий. Большие певцы на них и говорят. Ещё они должны знать музыку, литературу, танец, драматическое искусство, живопись, фехтование. Опера – самое синтетическое из всех видов искусств. И если ты хочешь в ней достойно выглядеть... Я уж не говорю о том, что надо просто ВЫГЛЯДЕТЬ на сцене. Лицо, глаза – зеркало души. А если ты любишь кашу с маслом и лицо у тебя в пол-этого стола – на сцене делать нечего.

Да, бесконечное самообразование, самоограничение, самосовершенствование! Сейчас время совсем других людей – коммуникативных, дружелюбных. Им открываются двери. Что, кстати, понимают не все наши соотечественники, в том числе и так называемые «звёзды» (полузвёзды!). Капризы, хамство – это ведь всё от страха и комплексов. Истинный аристократизм человека проверяется тем, как он общается с более низким по статусу.

Вот ради этого я – с молодыми, хотя они от меня и страдают очень сильно...

–Страдают? Уж простите, больше знакома с вами по телеэкрану – смотрела все выпуски цикла «Большая опера». Там вы не производили такого впечатления. Самые взыскательные оценки и требования к молодым вокалистам были облечены у вас в предельно корректную форму...

–Тем не менее не кокетничаю. Я неприятный в классе. И это тоже своего рода тренинг для молодых. Крепостное право было отменено 150 лет назад – всего два поколения не долгожителей даже, лет по 75! И, к сожалению, когда сравниваешь среди своих учеников, например, американцев и русских, выводы не в нашу пользу.

На американцев, например, нельзя повышать голос. Одна моя коллега, работая в Америке, как-то сорвалась в сердцах – тут же расследование, полиция, скандал... Но там и студенты другие. Однажды в мой первый приезд на мастер-класс в Хьюстон я работал с молодым хорошим баритоном, проходил с ним арию Елецкого. Предложил ему даже дополнительный урок, после всех, вечером. И был поражён: за несколько часов, что прошли с утреннего занятия, он исправил всё. Все мои замечания по фразировке, интонации, произношению, актёрскому наполнению – всё было учтено! «Когда же ты успел?» – спрашиваю. «Маэстро, я сел, просмотрел снова ноты, прослушал запись нашего урока, осмыслил, что вы говорили – и ария теперь готова». А нашему пока несколько раз не скажешь – не сдвинется. Всё из-под палки. Народ талантливый, но все ждут сильную руку. Это сидит в нашем менталитете. Возможно, в процессе глобализации (ведь российская опера – часть мировой музыкальной культуры) это будет исправляться, а пока я вынужден быть жёстким.

Но! В классе ведь я не с ними – я за них борюсь. Я заинтересован, чтобы их карьера состоялась.

–Дмитрий Юрьевич, наши профессии – как та «пара гнедых». В вечной связке. Певцы поют. Журналисты пишут о них. Но со временем приоритеты меняются. В искусстве крен, кажется, в узкую специализацию. А в журналистике сегодня востребован тот, кто выдаёт качественный текст быстро.

–У нас то же самое! И в опере востребованы «quick mind» – быстрые разумом. В 1994 году одна из первых моих учениц дебютировала в главном театре Венеции, в «Ла Фениче». Красивая девушка, с изумительным голосом. Помню, режиссёр объясняет ей: «Твоя героиня обуреваема противоречивыми чувствами. Ты сидишь в ярости...». Объясняет, показывает. А она сидит – как медуза!

«Да я пока через себя образ не пропущу...» – начинает она объяснять. Тут я не выдержал: «А знаешь ли ты, что другая певица, немолодая и некрасивая, но с именем, каждый день звонит артистическому агенту и только и ждёт, когда ты сойдёшь с дистанции...».

Это один случай. Вот другой. Тогда я ещё сам был арт-агентом, отправил одного молодого тенора петь небольшую арию в Монте-Карло. Однажды смотрю – ползёт сообщение по факсу. Чувствую – гадость ползёт. И точно! Мне сообщают: «Дорогой мистер Вдовин, высылаем обратно вашего протеже: он плохо говорит по-английски, не понимает режиссёра. Встречайте!..». Это опять же – об уме артистов. Среди моих учеников были молодые певцы с выдающимися голосами, которые, однако, не сделали карьеру, как сделали её их сверстники с голосами невыдающимися, зато – умные, образованные, общительные. И быстро соображающие!

–И всё же – как с узкой специализацией? То и дело слышишь: нельзя петь сегодня Моцарта, завтра – Мусоргского. Существуют, мол, разные типы голосов...

–Существуют разные типы театров. Прежде всего – репертуарный, где есть постоянная труппа (как в Екатеринбурге), и она должна петь всё. В маленьких городах, где не хватает бюджета, чтобы приглашать солистов, – это неоспоримо. Но я категорический противник репертуарного театра. Особенно когда это города большие, интернациональные компании, как в Большом театре. В этом случае, я считаю, наличие постоянной труппы тянет театр назад. И тянуло многие годы. Может быть, смешанная система была бы лучше?

Я много (на протяжении последних двадцати лет) езжу по миру с мастер-классами, со своими студентами и вижу театры разных типов и разницу между ними. Когда на два месяца, на одной постановке, концентрируется определённый, набранный состав, тогда и приглашаются лучшие исполнители (по Моцарту или по Мусоргскому). Лучшие, а не случайные, которые поют сегодня Моцарта, завтра – Уэббера, «Иисус Христос, суперзвезда». С моим учеником, басом, случилось такая история, когда он попал в репертуарный театр в Германии. Это ужасно! Голос ведь – тончайший природный инструмент, а не тромбон металлический, который выдержит всё. И Моцарта, и Мусоргского, и Уэббера – за одну неделю.

Убеждён: самые выдающиеся художественные результаты были, когда труппа подбиралась под определённый проект. Но возможен и смешанный вариант. Например, Метрополитен-опера. Каждый день – спектакли, в субботу – два: днём и вечером. Формально труппы нет, но певцы, которые живут на Манхэттене, сконцентрированы вокруг Мет. Они исполняют чаще всего партии второго и третьего положения. А вот «первачи», поющие сольные партии, – их набирают со всего мира. И они поют через один-два дня на третий свои спектакли. И ты можешь приехать и посмотреть их. Но, конечно, позволить себе это может только очень богатый человек...

–А нам что делать? С единственным оперным театром. Репертуарным!

–Во-первых, считаю: не нужно показывать спектакли каждый вечер. К чему такой фанатизм? Каждый вечер, каждый день – качество оказывается под вопросом. Правда, в Екатеринбурге – лучший вариант репертуарного музыкального театра: есть балет и опера – можно чередовать. Иногда вот и мы с Молодёжной программой Большого приезжаем...

–Кстати, у вас проект такого сотрудничества есть и с другими городами российской провинции? Или только с Екатеринбургом?

–Такие тесные контакты только с Екатеринбургом. Наши ребята выступают много – в Новосибирске, Казани, Красноярске, но те выступления носят точечный характер. А целые концертные программы – только здесь. Во-первых, существует долгосрочная договорённость, соглашение о сотрудничестве между дирекциями Большого и Екатеринбургского театров. Во-вторых, приглашают-то нас везде, но мы иногда отказываемся. По творческим претензиям. А здесь сохранён определённый уровень: изумительный оркестр, изумительная акустика, изумительная публика. От оркестра мы получаем удовольствие. По-хорошему бываешь потрясён звуком. Причём оркестр играет ту музыку, которая нам нужна, – молодую музыку: Моцарта, Генделя, французскую лирическую оперу... То, что должны петь молодые. А попробуй-ка попроси некоторые оркестры сыграть Моцарта. Боже, страшно становится! А здесь Моцарт идёт. Чувствуется другая музыкальная культура. И поверьте, мне есть с чем сравнить. Тем не менее...

–Тем не менее вы противник репертуарного театра. Но вспомните «мальчика со стулом», который вставал в четыре-пять утра, через весь город пешком шёл до кассы оперного театра, чтобы вечером увидеть спектакль!

–Да я же не за то, чтоб «спектакль только по выходным». Но! Лучше показать два замечательных спектакля, чем пять, извините меня, – серость. Нужно чувство меры. Чтобы, кстати, не удариться в другую крайность, как сейчас в Италии – там показывают две постановки в год. В Италии опера практически рухнула. И это – при их-то количестве театров: почти в каждом городе есть оперный театр. Но государственная поддержка оказана единицам, в остальных устроены кинотеатры или показы мод. А страна – родина оперы!

Россия в гораздо лучшем положении. Но я перфекционист и считаю: нам не хватает качества! «Лишь бы показать...», 38 составов – зачем?.. В общем, разговор сложный. Но я убеждён: его надо вести, надо что-то менять, чтобы опера жила. Чтобы она выжила. И оставалась по-прежнему привлекательной. В том числе, немаловажно, – для молодёжи. А привлечь чем можно? Качеством! Конечно, можно выпустить на сцену глинковскую Людмилу и в нижнем белье – но привлечёт ли это зрителей... А попсу мы этим точно не переборем...

Как обрести свой голос

Мастера оперы — для «ОГ»

(Из интервью разных лет)

ИРИНА КЛЕПИКОВА

Галина ВИШНЕВСКАЯ, народная артистка СССР, многие годы – председатель жюри Всероссийской ярмарки певцов:

–На одной из ярмарок молоденькая журналистка спросила, какие голоса сегодня особенно востребованы. «Хорошие!» – ответила я. Но хороший голос – не только природный дар, на звучании его сказывается даже то, какие книги ты читаешь.

Всегда говорю молодым: «Дерзайте, не смущайтесь, пробивайте себе дорогу как можно смелее!». В наше время, когда, к сожалению, трудно разобраться, что такое хорошо и что такое плохо не только в пении, но и в жизни, советую держать очень высоко впереди себя тот маяк, куда каждый стремится.

И петь надо здесь, в России. Дома, даже если ты поступаешь в маленький театр, и стены греют. Но петь надо, даже в этом маленьком театре, как на самой большой сцене. Вспомните, знаменитые Лемешев, Архипова, Козловский где были замечены? В российской провинции, в Свердловском оперном театре. Они уже здесь имели каждый СВОЙ голос. И – какой!

ИРИНА КЛЕПИКОВА

Евгений НЕСТЕРЕНКО, выдающийся бас, Герой Социалистического Труда, «Кавалер оперы», Камерзингер Австрии:

–Помню, солист Большого театра Марк Осипович Рейзен на экзамене в консерватории басил: «Ну что это за пение? Какая пятёрка? Тройка!.. Сопрано? Какое это сопрано? Вот у меня коллега была...». Он выше тройки никому не ставил. Зато некоторые из тех студентов-троечников сейчас в Ла Скала поют.

Количество технически оснащённых певцов, к сожалению, уменьшилось. Безусловно, меньше стало личностей. Старого Паваротти с его вечным платочком интереснее было слушать, чем иных молодых. Пополневший Доминго внешне уже не похож на своих романтических героев, но поёт-то он по-настоящему. А вот про одного молодого тенора (звезда, между прочим, как пишут о нём в газетах) должен сказать: у него лицо как спина, когда он поёт. Ничего не выражает!

В нашем искусстве есть, конечно, свои проблемы, но у нас есть голоса. И главное – мы остаёмся в том миропонимании, что песня и пение – такая же часть нашей жизни, как разговор, прогулка, поцелуй, вкусный чай...

ИРИНА КЛЕПИКОВА

Елена ОБРАЗЦОВА, народная артистка СССР:

–Петь хотелось всегда. Отец у меня был заядлым рыбаком и часто брал меня с собой. И там, на природе, я начинала петь, а отец кричал мне: «Прекрати петь! Распугаешь всю рыбу...».

Теперь понимаю: главное в пении – не сила, не голосовая мощь, а – божье вдохновение. Когда ты выходишь на сцену, всегда должен знать: зачем? Что ты хочешь сказать людям? И если в тебе это есть, если изнутри распирает тебя желание петь и отдать, через вокал, всю душу – тогда это будет воспринято. А заниматься просто горлодранством ни к чему.

Хочу, чтобы молодые вокалисты постигали стилевые особенности исполнения музыки, постигали языки. Это две вещи, которых не хватает нашим певцам. А ведь таких голосов, какие есть сейчас в России, больше нигде в мире нет. Потрясающие голоса! А исполнительская культура невысока. Хорошим же голосам нужна соответствующая огранка.

ИРИНА КЛЕПИКОВА

Михаил КОРОБЕЙНИКОВ, солист Екатеринбургского театра оперы и балета:

–Я только что вернулся из Италии, куда был приглашён спеть дона Базилио в «Севильском цирюльнике» в Римской опере. Европейское пение, пение на иностранном языке требуют иной подачи, иного вокального настроя. Дело не в фонетике. Это идёт от музыки. У Верди очень зрелая музыка – по мысли, по вокальному наполнению. Но есть Моцарт, Беллини, Россини, Доницетти. Бельканто! И оно тоже требует определённых навыков, соблюдения традиций.

Дирижёр Бруно Кампанелла, который работал с нами на «Севильском...» и который специализируется на музыке бельканто, объяснял нам разницу между Россини, Беллини, Доницетти. Даже в их музыке она есть. Чуть-чуть по-другому споёшь каденции – будет уже не Россини, а... ближе к Доницетти. Нюансы, а не учитывать их нельзя. Невозможно!

С певцами беседовала Ирина КЛЕПИКОВА